

© 1996 г., ЭО, № 6

Л. И в л е а. Ряженье в русской традиционной культуре. Петербург. 1994. 233 с.

Ряженье — яркое явление в русской народной культуре, и ему посвящена достаточно обширная литература. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что чисто эмпирические описания ряженья в большинстве своем поверхностны, а немногочисленные концептуальные исследования оставили после себя больше вопросов, чем ответов.

Л. М. Ивлева в своей концепции ряженья исходит из нескольких важных для нее идей. Прежде всего, она руководствуется театроведческим подходом к ряженью. Понятие «ряженье» — в исследовании сопрягается с другим — «игровая стихия». Сам по себе этот подход уже давно заявлен в науке, ново другое: если предшественники Л. М. Ивлевой игровое начало в округничестве считают конечной точкой в развитии этого пласта народной культуры, то фольклористы настаивают на изначальной сущности игровой формы данного явления. Отсюда вытекает следующее положение: ряженье — это игровая версия мифологических представлений. «Мифологическое содержание...», — отмечает исследовательница, — воспроизводится в ряжении средствами игрового языка: разыгрывается в лицах» (с. 36). Ряженье в понимании автора оказывается отражением демонологического мира. Абсолютную веру народа в реальность, действительность нечистой силы воплотил в себя такой нарративный жанр, как былички. Ряженье же было, по мнению Л. М. Ивлевой, «...игрой в эту действительность» (с. 52).

Для того чтобы оценить все своеобразие позиции Л. М. Ивлевой, напомним, как трактовалось ряженье учеными XIX—XX вв. А. Н. Афанасьев рассматривал персонажи ряженья как зооморфные символы облаков, солнца и т. д., вписывая это явление в символично-мифологическую (в основном солярная и метеорологическая) теорию. А. Н. Веселовский русскую традицию ряженья считал заимствованной из романо-германского мира. Е. Г. Кагаров и В. Е. Гусев склонны видеть в ряжении отражение тотемических представлений. В. И. Чичеров и В. Я. Пропп отдельные зооморфные маски рассматривали как символы магической практики, ориентированной на достижение плодородия. Л. М. Ивлева в основу своей концепции положила один из тезисов И. М. Снегирева, исследователя, на которого, как правило, в наше время не принято ссылаться. И. М. Снегирев, а вслед за ним и И. Е. Забелин, смотрели на ряженье как на «олицетворение злого мира нежити», который в определенные календарные периоды «являлся в страну живых» (с. 20). Л. М. Ивлева блестяще развивает то рациональное зерно, которое имеется в неясных высказываниях ее предшественников, и придает своей концепции глубину и многогранность. Во время ряженья, считает исследовательница, «...мифологические персонажи актуализировались как бы на пределе возможного» (с. 35). Народ верил в то, что потусторонний мир персонажизировался в округниках. При этом игровая форма ряженья соединялась с набором магических функций.

Принципиально важное место в рецензируемой работе занимает основная глава — «Ряженье в свете народной терминологии». Здесь исследовательница во многом следует методологии мифологической школы, которая данные языка считала основополагающими для понимания фольклорной традиции. Л. М. Ивлева на своем материале в полной мере смогла раскрыть известный тезис об «архаизирующей сущности» наименований: «...название долгие годы удерживает следы тех значений, что исторически были свойственны самому явлению» (с. 42). За одним из названий ряженых — «окрутники» — прочитывается мифологический план глагола «окрутиться» (параллель к нему — «оборотиться», «оборотень»). Слова «нарядихи», «наряткичи», «наряжные» входят в круг лексики обрядового значения: «рядить свадьбу», «снаряжать невесту», «обряжать покойника» и т. д. Особенно выразительна та часть терминологии, которая одновременно встречается и в наименовании нечистой силы (персонажей мифологических рассказов), и в традиции ряженья. Л. М. Ивлева указывает на такие общие для данных пластов народной культуры лексемы, как «фофанцы», «шулики», «шуликуны», «шишиморы», «лешаки», «кудесники», «букушки», «хухляки» и др. Все лингвистические рассуждения исследовательницы подкреплены ссылками на работы предшественников. Из ее поля зрения выпали лишь немногие работы. Например, по поводу шуликунов, помимо Д. К. Зеленина и Н. И. Толстого, на труды которых ссылается Л. М. Ивлева, недавно писали еще Р. Г. Ахметьянов (настаивающий на монголо-китайских истоках образа и слова) и О. А. Черепанова, предлагающая рассматривать возможности влияния коми фольклора на русскую мифологическую традицию¹.

Укажем еще на один аспект книги Л. М. Ивлевой. В фольклористике ряженье, как правило, рассматривалось только в связи со святочными обрядами. Исследовательница же систематизировала сведения об округничестве во время календарных праздников (масляница, обрядность весенне-летнего сезона). При этом, если многие из предшественников Л. М. Ивлевой отрицали изначальную принадлежность ряженья несвяточным обрядам (ряженье в маслянные ритуалы проникло благодаря влиянию святочного цикла, — считал В. Я. Пропп), то фольклористы, наоборот, настаивают на исконности округничества в названных обрядах. Обозначенная полемика с В. Я. Проппом, ученицей которого была Л. М. Ивлева, в конечном счете привела исследовательницу к подтверждению выводов, к которым пришел ее учитель. Они изложены в книге «Русские аграрные праздники». Единство обрядовой системы, обнаруженной В. Я. Проппом при изучении годового праздничного цикла, отражается и в ряженье.

Сезонная повторяемость обрядности, которую столь четко обозначила в своем исследовании Л. М. Ивлева, является одним из частных проявлений названного единства обрядовой системы.

В монографии Л. М. Ивлева освещены практически все стороны ряженья. Отдельная глава посвящена действию в игре обрядников. Организация действия в ряжении, подчеркивает исследовательница, основана на принципе дублирования. Одна и та же сценка повторяется несколько раз на протяжении игрового цикла, причем каждый раз она направлена на нового «зрителя». С другой стороны, разные эпизоды (разыгрываемые коновалами, рыбаками и т. д.) базируются на комплексе одинаковых действий (нанесение ударов, стегание плетью, задирание зрителей иными средствами). Многократность воспроизведения того или иного эпизода связана с усилением магического воздействия на внешний мир.

Впервые в нашей фольклористике дается характеристика хореографии в ряжении. Скакание, верчение, кувыркание, которые определяют хореографический рисунок обрядности, указывает Л. М. Ивлева, типичны не только для обрядников, но и для демонологических персонажей, каковыми они рисуются в быличках.

Столь же емко в работе проанализирован символизм одежды ряженых. Исследовательница зоострает внимание на ее сущности как «антиодежды» (роль рогожи и соломы в одеяниях, семантика рванья и тряпья, вывернутость шуб наизнанку, травестийное переодевание мужчин и женщин и т. д.). Цветовая гамма, присущая ряжению (белый, черный, красный цвета), подчеркнутая асимметричность (лапоть на одной ноге, валенок — на другой) также полностью вписывается в мифологическую систему представлений русского народа.

Отдельный раздел монографии посвящен маске. В этой проблематике исследовательница является по сути дела первооткрывателем. Русская маска с ее пониженным эстетическим статусом, в отличие от масок других народов, почти не изучалась. «Личина», по наблюдениям Л. М. Ивлевой, не несет в себе конкретного игрового содержания: медведь и гусь рядятся одинаково. Маска есть знак перевоплощения как такового — перевоплощения в персонаж иного мира. Особо в работе говорится об опасности маски и необходимости смыть «грех» ее ношения в крещенской проруби.

Последняя глава монографии названа «Мир персонажей ряженья». За многочисленностью наименований персонажей (около двухсот) скрывается довольно ограниченное число типов, основанных на оппозиции мужского — женского, своего — чужого, молодого — старого, социально высокого — социально низкого. Точка зрения Л. М. Ивлевой на персонажи ряженья прямо противоположна позиции Н. И. Савушкиной, которая склонна была рассматривать их как образы, мотивированные определенной социальной средой. Для Л. М. Ивлевой важны не социальные признаки героев, а их мифологическая сущность. Кузнец и мельник, столь разные в социально-бытовом плане в ряжении оказываются дублерами друг друга. Важна мифологическая сущность этих персонажей: их отношение к браку, к плодородию, к акту творения.

Монография Л. М. Ивлевой выходит далеко за рамки темы ряженья как такового. Идеи, высказанные в книге, полезны для понимания многих сюжетов быличек (например, рассказов о святочных посиделках, гостями которых была нечистая сила). Благодаря рецензируемой книге, открывается перспектива по-новому взглянуть на соотношение ряженья и народной драмы, обогащается наше знание обрядовой жизни народа.

Рецензируемая книга — это первая и теперь уже единственная монография в научной биографии Л. М. Ивлевой. 28 октября 1995 г. она трагически ушла из жизни. Фольклористика потеряла блестящего исследователя. Неопубликованные статьи, незавершенными планы. Но то, что успела исполнить Лариса Михайловна Ивлева в науке, сделано ярко и талантливо. Ее монография прочно вошла в научный обиход, книга нашла своего читателя.

Примечание

¹ *Ахметьянов Р. Г.* Некоторые термины обрядов и мифологии булгаро-чувашского происхождения у народов Урало-Поволжья // Советское финно-угроведение. 1977. № 2. С. 98—196; *Черепанова О. А.* Демонологическая лексика севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 134—137; *ее же.* Шуликаны. Образ и слово // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 97—106.

Т. Г. Иванова

© 1996 г., ЭО, № 6

Бабаева Н. С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 1993. 156 с.

Изучение древних, доисламских по своему происхождению религиозных традиций — давнее направление отечественной этнографии, образовавшее особую область исламоведения. Оно представлено многочисленными публикациями, среди которых уже свыше двух десятков книг. За последние годы опубликованы три книги по среднеазиатско-казахстанскому региону и четыре — по кавказскому¹. К сожалению, в «Этнографическом обозрении» нет рецензий на эти работы, сделавшие несомненный вклад в дальнейшее развитие отечественной этнографии.

Книга Н. С. Бабаевой также представляет указанное направление этнографических исследований.